Анна Калинина

Христианские конфессии Советской Белоруссии в 1929–1939 гг.: активные и пассивные формы сопротивления

На рубеже 1928–1929 гг. в СССР происходит существенное изменение всего курса государственной политики по отношению к религиозным организациям. «Период относительно спокойных контактов с ними [религиозными организациями] сменился длительной полосой крайне воинственного, нетерпимого отношения к Церкви»[1]. Причем по характеру принимаемых мер религиозная политика государства данного исторического периода сравнима с таковой времен Гражданской войны и изъятия церковных ценностей, но масштабы гонений на верующих далеко превзошли аналогичные явления на рубеже 1910-х — 1920-х гг.

Кардинальные изменения в религиозной политике советского государства связаны с общими экономическими и политическими изменениями в стране: с процессами ускоренной индустриализации и всеобщей коллективизации, а также с идеологией «обострения классовой борьбы». Данный хронологический период (1929–1939) можно условно разделить на несколько этапов, учитывая при этом степень интенсивности административных воздействий и репрессивных мер в политике государства в области религии:

1) 1929–1930 гг. — принятие закона «О религиозных объединениях», политика всеобщей коллективизации и связанного с ней раскулачивания населения; под ее знаком осуществлялось массо-

1. *Шкаровский М. В.* Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве (Государственно-церковные отношения СССР в 1939–1964 годах). М.: Крутицкое Патриаршее Подворье; Общество любителей церковной истории, 2000. С. 87.

вое закрытие церквей и репрессии по отношению к духовенству и рядовым верующим;

2) 1930–1931 гг. — период ослабления давления на религиозные организации; связан со статьей И. В. Сталина «Головокружение от успехов», опубликованной в газете «Правда» №60 от 2 марта 1930 г., в которой он критикует перегибы в религиозной политике на местах, связанные с коллективизацией;

3) 1932–1933 гг. — новая волна административно-репрессивных воздействий; фабрикуется ряд агентурных дел о «контрреволюционных антисоветских организациях», в создании которых обвиняют представителей разных религиозных организаций;

4) 1934–1935 гг. — своеобразное «затишье перед бурей» репрессий; вновь наблюдается некоторое послабление в религиозной политике государства в связи с консолидацией в правящих кругах умеренной группы во главе с С. М. Кировым, а также по причинам международного характера (установление дипломатических связей с США, приход нацистов к власти в Германии в 1933 г.); продолжается, однако, практика административного изъятия молитвенных зданий;

5) 1936 — начало 1937 гг. проходят под знаком сталинской Конституции и всесоюзной переписи населения, в связи с чем происходит «активизация контрреволюционной деятельности церковников и сектантов»;

6) 1937–1938 гг. — годы «большого террора», когда репрессии обрушиваются на все слои населения;

7) репрессии несколько стихают в 1939 г., после того как наркомом внутренних дел СССР становится Л. П. Берия.

Естественно, что верующее население Советской Белоруссии, равно как и других районов СССР, не могло не реагировать на административно-репрессивное давление со стороны государства. Цель данной статьи — рассмотреть различные способы сопротивления верующих христианских конфессий БССР государственной политике насильственной секуляризации 1929–1939 гг., опираясь на документы Национального архива Республики Беларусь (НАРБ), в частности, фонда 4п «Центральный Комитет Коммунистической партии большевиков Белоруссии» (1918–1941), опись №1. Сведения о различных случаях противодействия «церковников и сектантов мероприятиям советской власти» содержались, в основном, в таких документах НАРБ, как докладные записки о состоянии антирелигиозной пропаганды по районам БССР и рассекреченные спецсводки и спецсообщения НКВД о настрое-

ниях населения за определенный промежуток времени. Количество этих документов в разные годы варьируется: периоды обострения (коллективизация, «большой террор») отношений между религиозными организациями и государством отражены в более чем 70 архивных источниках, тогда как в годы затишья их количество сокращается до 5-10 единиц.

Теме политики советского государства в сфере религии в 1920–30-е годы посвящен ряд научных исследований как в нашей стране, так и за рубежом. В белорусской исторической науке следует прежде всего отметить монографию под общей редакцией В. И. Новицкого[2]; также необходимо упомянуть работу И. И. Янушевича[3], посвященную взаимоотношениям Русской православной церкви и государства в Советской Белоруссии в 1917–1927 гг.; о политике государства по отношению к Римско-католической церкви на белорусских землях в первое десятилетие советской власти пишет А. Д. Лебедев[4]; и др. Чаще всего научному исследованию и анализу подвергалась религиозная политика государства на высшем уровне, включая ее влияние на правовое и социально-экономическое положение религиозных организаций. Кроме того, много внимания уделялось теме репрессий в отношении духовенства и рядовых верующих. Гораздо менее разработанной является тема эволюции повседневной религиозной жизни под влиянием секулярной политики государства. Если, скажем, иудейской религиозной повседневности посвящены отдельные главы в работах А. Кагановича[5], А. Зельцера[6], А. Литина[7], то повседневная жизнь христианского населения БССР менее исследована. Здесь достойными внимания являются публикации белорусского историка И. Романовой, в частности, статья, в которой она, подробно исследуя отношение верующих БССР к переписи

2. Канфесіі на Беларусі (к. XVIII — XX ст.)/Навук. рэд. У. І. Навіцкі. Мн.: ВП «Экаперспектыва», 1998.
3. *Янушевич И. И.* Политика советского государства по отношению к Русской Православной церкви в 1917–1927 гг. (на материалах Беларуси). Мн.: БГУ, 2002.
4. *Лебедев А. Д.* Политика советского государства по отношению к Римско-Католической церкви в БССР (1919-1929). Мн.: БГУ, 2011.
5. *Каганович А.* Речица: История еврейского местечка Юго-Восточной Белоруссии. Иерусалим, 2007.
6. *Зельцер А.* Евреи советской провинции: Витебск и местечки. 1917–1941. М.: РОССПЭН, 2006.
7. *Литин А.* История могилевского еврейства. Мн.: Юнипак, 2006.

населения 1937 г., в центр внимания ставит историю с сектой лепельских «молчальников»[8].

В данной статье мы, принимая во внимание вышеупомянутые иследования И. Романовой, развинули хронологические рамки и попытались подробно рассмотреть и проанализировать реакцию верующего населения христианских конфессий на различные мероприятия советской власти в рамках истории повседневности на протяжении 30-х годов XX в. Наш анализ позволил выявить основные способы сопротивления верующих политике государства в области религии и условно разделить их на активные и пассивные (что ранее в исследовательской литературе не предпринималось) в зависимости от того, занимали ли верующие активную гражданскую позицию в своих взаимоотношениях с властью, пытались законным или незаконным (с точки зрения государства) способом бороться за свои права или же различными способами уклонялись от мероприятий советской власти.

К активным способам сопротивления верующих в рассматриваемый период можно отнести следующие: выступления верующих против закрытия храмов, коллективные прошения об открытии молитвенных зданий, прошения об освобождении из-под ареста священнослужителей. Соблюдение в условиях насильственной секуляризации важнейших религиозных обрядов (речь идет, в первую очередь, о крещении, отпевании, причастии) тоже может рассматриваться как своеобразная форма сопротивления, тем более что сама советская власть рассматривала факты крещения и др. именно как «контрреволюционную деятельность попов и церковников».

К пассивным методам сопротивления следует отнести побеги в Польшу от «безбожной власти», коллективные невыходы на работу во время праздников, отказы от паспортов и от пособий по многосемейности, уклонения от участия в переписи населения и даже в выборах в Верховный Совет СССР.

Отдельно следует остановиться на такой специфической форме «антисоветской агитации и пропаганды», как так называемые «письма счастья», или «святые письма».

8. *Раманава І.* Кляйменне Чырвонага дракона. Усесаюзны перапіс насельніцтва 1937 года і яго трактоўка ў сялянскім дыскурсе//ARCHE. 2012. №3. С. 246–261.

«Активные» формы сопротивления

(1) Выступления верующих против закрытия храмов. Самые многочисленные факты открытых выступлений верующих против закрытия храмов относятся к 1929-му — первой половине 1930-го года и тесно связаны с применением на практике закона «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 г.

Закон «О религиозных объединениях» стал активно использоваться в рамках политики ускоренной коллективизации, когда началось массовое закрытие молитвенных зданий «для культурных нужд» или «под зернохранилища». Верующие остро реагировали даже не на само новое законодательство, а на всяческие «грубейшие ошибки и всяческие перегибы, граничащие иногда с преступностью»[9]. В сохранившемся в НАРБ документе под названием «Массовые выступления» от 14 апреля 1930 г. достаточно подробно описано 5 фактов массовых стихийных выступлений верующих в различных районах БССР, в сельской местности, только за февраль-март 1930 г. Побудительными мотивами этих выступлений стали аресты священнослужителей, членов церковных советов и наиболее активных верующих, а также последовавшие за ними незаконные изъятия молитвенных зданий из пользования верующими без согласия самих верующих[10].

Выступления верующих проходили примерно по одному и тому же сценарию: сначала, без учета мнения верующего населения, членами партийного актива положительно решался вопрос об изъятии местной сельской церкви под склад или клуб. Не дожидаясь официального согласия районного исполнительного комитета (РИК) и оформления соответствующих документов, комсомольцы, или члены местной ячейки «Союза воинствующих безбожников», или члены сельсовета направлялись в церковь, выносили без описи оттуда всю церковную утварь и приказывали либо ссыпать туда зерно, либо начинать переоборудование под клуб. Через некоторое время (чаще всего в тот же день) собиралась толпа с требованиями открыть церковь, вернуть изъятое церковное имущество и выпустить арестованных. Степень разъяренности толпы была различной, в одном случае (православная община д. Сухаревка Луполовского района Могилевского округа) дело до-

9. Национальный архив Республики Беларусь (далее — НАРБ). Ф. 4-п. Оп. 1. Д. 5030. Л. 2.

10. Там же. Л. 8-10.

шло даже до выстрелов и ранений с обеих сторон. Важно отметить, что выступления верующих выходили за рамки защиты только своих религиозных интересов, к данной мотивации примешивалась озлобленность против насильственной коллективизации. Так, в д. Велешковичи Лиозненского района православные верующие, как передает документ, преследуя членов сельсовета, кричали: «Разбивай сельсовет, уничтожай бумаги и книги, довольно нас мучить и гнать в колхозы»[11]. В д. Братово Могилевского района после изъятия церковного имущества и закрытия православной церкви верующие «целый день осаждали сельсовет с руганью. В толпе было 75 % колхозников колхоза “Гигант”, которые тут же разобрали по своим домам обобществленный скот, а остальной скот простоял целый день некормленным. Приехавшим на место двум членам Райкома КПБ толпа категорически заявила: “До тех пор пока не возвратите нам церковь и изъятых вещей из нее, мы скота не отдадим и работать в колхозе не будем”»[12].

В конце концов на место являлось «высокое» начальство из райкома КП(б)Б и обещало «во всем разобраться». Интересно, что никаких окончательных решений по поводу закрытых церквей в приведенном выше документе представлено не было. Но, если судить по дальнейшей политике массового закрытия храмов, скорее всего, церкви были закрыты.

В связи с этим в последующие годы такая форма сопротивления верующих, как выступления против закрытия храмов, трансформируется в выступления за открытие ранее закрытых и долгое время пустующих храмов. На данный момент таких случаев в архивных документах было подробно описано только два, в 1936 и 1937 гг., где речь идет предположительно о верующих православного вероисповедания; также кратко упомянуто о выступлениях в двух районах БССР в 1937 г. (без определения конфессий).

(2) Сбор подписей и средств за открытие ранее закрытых молитвенных зданий. Эта форма сопротивления получила гораздо больший размах в 1936–1937 гг. Сюда же можно отнести *коллективные прошения о регистрации священнослужителей*[13]. В до-

11. Там же. Л. 9.

12. Там же. Л. 10.

13. Прежде чем приступить к выполнению своих непосредственных обязанностей в данной местности, каждый священнослужитель должен был пройти процедуру регистрации и получить разрешение на богослужебную деятельность в местных органах власти. Последние могли замедлять этот процесс, отказывать

кладной записке на имя секретарей ЦК КП(б)Б т.т. Волкова, Левицкого, Потапейко «О состоянии антирелигиозной пропаганды по Белоруссии», поданной в ЦК КП(б)Б в конце 1936 г. заведующим Отделом партпропаганды и агитации ЦК КП(б)Б т. Сигналовым, приводятся следующие сведения: «На 20 декабря 1936 г. закрыто церквей 1371, действующих 74, костелов, соответственно, 95 и 18. [...] За 1936 г. поступило заявлений верующих об открытии церквей 158 заявлений из 51 района, костелов — 16 заявлений из 11 районов». Эти цифры, по словам автора докладной, «явно свидетельствуют о значительной активизации церковников и всей слабости нашей антирелигиозной пропаганды в республике»[14]. В другом документе — протоколе заседания Комиссии по культам при Президиуме Центрального Исполнительного Комитета (ЦИК) за апрель 1937 г. — зафиксировано еще 38 ходатайств верующих по вопросам открытия храмов и регистрации священнослужителей (в том числе 25 от православных, 8 от иудеев и по 1 заявлению от католиков, старообрядцев и евангельских христиан)[15].

Главной причиной столь массовых обращений граждан стало принятие в 1936 г. новой Конституции, статья 124 которой гласила: «В целях обеспечения за гражданами свободы совести церковь в СССР отделена от государства и школа от церкви. Свобода отправления религиозных культов и свобода антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами»[16]. По сути, эта статья Конституции только внешне выглядела демократично, на деле же ужесточала положения декрета 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», пункт 3 которого гласил: «Каждый гражданин может исповедывать любую религию или не исповедывать никакой. Всякие праволишения, связанные с исповеданием какой бы то ни было веры или неисповеданием никакой веры, отменяются»[17]. Как видим, Конституция 1936 г. отни-

в регистрации, ссылаясь, например, на чрезмерную занятость на посевных работах. В связи с этим верующие вынуждены были обращаться с прошениями в вышестоящие инстанции.

14. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 11834. Л. 394.

15. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 11853. Л. 51-57.

16. Конституция СССР 1936 г.//Викитека [Электронный ресурс]. 2012. Режим доступа: http://ru.wikisource.org/wiki/Конституция_СССР.

17. Декрет СНК РСФСР от 23.01.1918 Об отделении церкви от государства и школы от церкви//Викитека [Электронный ресурс]. 2012. Режим доступа: http://ru.wikisource.org/wiki/Декрет_об_отделении_церкви_от_государства_и_школы_от_церкви

мала у граждан право на религиозную пропаганду, которую ранее формально давал Декрет Совета Народных Комиссаров. Удивительно то, что верующие всех исповеданий восприняли Конституцию как реальную гарантию их религиозной свободы, включая свободу религиозных собраний, возможность открытия церквей и возобновления богослужений. Они действительно, выражаясь «партийным» языком, активизировали свою деятельность в 1936–1937 гг., надеясь на то, что советская власть, наконец, станет следовать букве закона, который сама же и установила. И реакция верующих на принятие Конституции не выходила за рамки законности; она лишь призывала, по сути, эту законность соблюдать.

В связи с этим можно еще раз вернуться к вышеупомянутым выступлениям за открытие церквей в 1936–1937 гг. Наиболее интересен случай с православной общиной в Ничипоровичском сельсовете Шкловского района 6-7 апреля 1937 г.: «Церковный совет в составе 7 человек единоличников [...] обходили и объезжали верхом окружающие деревни [...] обманывая верующих, что придут из Минска и центра района в день благовещения открывать церковь и чтобы к 11 часам утра все верующие явились молиться. И ровно к 11 часам утра организованно из всех вышеуказанных сельсоветов собралась толпа к церкви около 1000 человек, из них 30% молодежи, большинство женщин и начали ломать замки церкви, наружный замок разбили камнем, а внутренний уцелел. Тогда они, изорвав портреты Ленина и Сталина, которые висели на наружной стороне у входа в церковь, двинулись к сельсовету. Председатель сельсовета — беспартийный т. Гапеев — начал звонить в район. Толпа его оттолкнула, и одна женщина сама начала звонить в райотделение НКВД, чтобы прислать открыть церковь. Тов. Красинский — начальник райотделения НКВД — обещал приехать и разобраться. Толпа в ожидании приезда из района ходила по деревне, чувствовала себя хозяином в сельсовете, держала себя вызывающе, пьянствовала около церкви, и все требовали от председателя сельсовета ключей от церкви с выкриками: “Открывайте церковь, потому что в Конституции написано, что церкви должны быть открыты”. Из района к вечеру, когда частично толпа начала расходиться, подъехали двое уполномоченных НКВД и предложили толпе выделить своих представителей, с которыми они будут разговаривать. Выделили 5 представителей (2 мужчин и 3 женщин), через которых работники НКВД передали, что церковь закрыта на законном основании и открыта не будет, и предложили толпе разойтись.

Накричавшись и набуянившись, толпа разошлась к самому вечеру. Ночью было арестовано 7 человек организаторов и сейчас сидит по этому делу 11 человек и двое отпущено»[18]. В секретной докладной записке «Об антисоветской деятельности церковников и сектантов в БССР» от 7 июля 1938 г., адресованной в ЦК ВКП(б), также упоминалось о случаях «массовых выступлений, направленных на захват церквей, ранее изъятых и оборудованных под клубы, провоцируя верующих путем контрреволюционного толкования Сталинской конституции»[19]. Как видим, к обвинениям верующих в «незаконных выступлениях» и «захватах» партийные работники добавляли и обвинение в неправильном понимании положений новой Конституции, что, с точки зрения власти, являлось поступком даже более «контрреволюционным».

(3) Прошения верующих об освобождении из-под ареста священнослужителей также следует рассматривать как распространенную форму сопротивления. Протесты производились в связи с политикой непомерного обложения духовенства на начальных этапах коллективизации (1929–1930 гг.), с обязательствами выплатить за священника все налоги[20], а также в связи с жалобами самих священнослужителей или их родственников на непомерное налогообложение и раскулачивание[21]. Прошения и жалобы составлялись на имя председателя ЦИК БССР А. Червякова (на данный момент в документах НАРБ выявлено 6 таких обращений, которые пришлись на март-апрель 1930 г.); верующие надеялись на торжество справедливости. Показательна следующая выдержка из письма верующих православного вероисповедания А. Червякову: «Получая газеты, мы прочитали в газете “Известия” за №73 от 15 марта, где говорится в 7 пункте о решительном прекращении закрытия церквей, мы, нижеподписавшиеся, просим Вас, как единственную помощь и защиту, во имя Революции, разрешите нам служение в нашей Соболевской церкви и верните нам из заключения нашего священника»[22]. Впоследствии подобные прошения более в документах НАРБ не встречались.

18. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 11852. Л. 15-16.

19. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 13219. Л. 66.

20. НАРБ. Ф. 4п. п. 1. Д. 11834. Л. 3, 4, 10. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 5036. Л. 98-99, 100.

21. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 5036. Л. 93-95, 101-101а.

22. Там же. Л. 98.

(4) Соблюдение важнейших религиозных обрядов также можно, по нашему мнению, отнести к формам активного сопротивления верующих; в частности, речь идет о крещениях, ношении крестиков, совершении богослужений рядовыми верующими в районах, где не осталось духовенства, проведении молитвенных собраний в частных домах представителями протестантских конфессий. Причем если после массового закрытия церквей и арестов духовенства в 1929–1933 гг. вплоть до 1936 г. в архивных документах был зафиксирован лишь один «вопиющий» случай в Сенненском районе, когда в 1935 г. была разоблачена «кулацко-поповская группа, виновная в крещении детей до 13 лет в количестве 14 человек»[23], то после принятия Конституции наблюдается, так же как и с прошениями об открытии храмов, «активизация деятельности церковников и сектантов», которые занимались не только крещением детей, но организацией «противозаконных молитвенных собраний». Так, например, 11 апреля 1937 г. в д. Дубовица Кормянского района, по словам секретаря райкома т. Эйдинова, собрался «большой сход сектантов по существу, межрайонный — Рогачевского, Чечерского и 5 деревень Кормянского района». На вопрос секретаря о цели собрания верующие (предположительно, евангельские христиане или баптисты) сообщили, что «собрались молиться Богу. Когда я спросил, зарегистрированы ли они и кто разрешил сбор, Лашкевич вытаскивает из-за стола Конституцию и, зачитывая 124 статью, добавляет: “Нам разрешил Сталин, сталинская Конституция”. Я заявил, что поскольку они не зарегистрированы и не имеют разрешения на сбор собрания, мы не можем разрешить такое собрание. Лашкевич повторил — нам нет нужды спрашивать разрешения, нам разрешил Сталин»[24]. Подобного рода ситуация не была единственной в своем роде. Как отмечает в вышеприведенной докладной записке т. Сигналов: «В Лоевском районе — накануне 1 Мая был обнаружен ряд нелегальных сборищ церковников и сектантов. Так, в дер. Пятнаки — 30-40 чел., в дер. Поповка — 40-50 чел., в колхозе “Ленинец” — 30-40 чел., где преобладали женщины-единоличницы. Собраниями руководили мужчины из числа раскулаченных, осужденных, воров, бандитов. На данных собраниях читали евангелие с контрреволюционными комментариями, а также зачитывались контрреволюционные стихи, прикрытые контррево-

23. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 6869. Л. 222.

24. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 11834. Л. 396.

люционной оболочкой. При появлении на собрании представителя на поставленные вопросы “по каким вопросам проводится собрание” церковники организованно отвечали: “проводим собрание на основании свободы собраний, проводим работу на основании свободы религий, стихи сочиняем и поем на основании свободы печати”»[25]. «Церковникам и сектантам» также вменялись в вину влияние на школьников и молодежь: «баптисты заставляют детей читать евангелие, при этом запрещая изучать и декламировать стихи советских писателей. В ряде районов дети и молодежь привлекаются для участия в церковных хорах»[26]; «у калгасах Браткаўскага сельсавета “Шлях ленінізма”, “Авангард” і ў калгасе “Ульянава” Ляшнянскага сельсавета...моладзь, асабліва дзяўчата перад “пасхай” пасцілі — па 2-3 дні ня елі»[27].

В немногочисленных открытых пока храмах совершались богослужения, главным образом, на самые важные христианские праздники (Пасха, Рождество, Благовещение и т.д.). Одним из важнейших элементов внешнего проявления религиозности являлось (впрочем, как и в настоящее время) освящение пасхальных куличей[28]. При отсутствии действующих храмов и священнослужителей верующие могли проводить богослужение самостоятельно, как, например, «у калгасе “Ульянава” Ляшнянскага сельсавета 01.05 вечарам рэлігіознікі сабіраліс у 4 хатах і чыталі “свяшчэнныя кнігі”»[29]; «ноччу 1-га мая перад пасхай жанчыны хадзілі на Коленскае кладбішча маліцца. У вёсцы Пухавічах з першага па другое мая ўсю ноч свяцілі ў хатах лямпы, і калі інспектар міліцыі т. Цвірко спытаў у адной жанчыны, навошта ўсю ноч гараць агні, яна сказала, “спраўляем усюношную, у нас у канстытуцыі сказана, якую хочаш рэлігію можаш выконваць”»[30]. В выше-

25. Там же. Л. 396.

26. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 11868. Л. 398.

27. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 11852. Л. 137. «В колхозах Братковского сельсовета “Путь ленинизма”, “Авангард” и в колхозе “Ульяново” Лешнянского сельсовета... молодежь, особенно девушки перед “пасхой” постились — по 2-3 дня не ели».

28. Там же. Л. 59.

29. Там же. Л. 137. «В колхозе “Ульяново” Лешнянского сельсовета 01.05. вечером религиозники собирались в 4 избах и читали “священные книги”».

30. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 12082. Л. 279. «Ночью 1-го мая перед пасхой женщины ходили на Коленское кладбище молиться. В деревне Пуховичах с первого по второе мая всю ночь светили в избах лампы, и когда инспектор милиции т. Цвирко спросил у одной женщины, зачем всю ночь горят огни, она сказала, “справляем всенощную, у нас в конституции сказано, какую хочешь религию можем исполнять”».

приведенных сюжетах речь идет о православных верующих, так как православная Пасха в 1937 г. пришлась как раз на 2 мая, а Великая Суббота — на 1 мая, День труда.

Нельзя не отметить тот факт, что даже после «большого террора» 1937–1938 гг., когда «функционирование церквей в БССР прекратилось, в 1937 и 1938 гг., главным образом, вследствие арестов духовенства за активную антисоветскую деятельность», а «значительная часть недействующих церквей формально не закрывались, от верующих не изымались и от ряда церквей ключи находятся у церковного актива»[31], верующие продолжали совершать религиозные обряды и богослужения. Уже упомянутый Нарком внутренних дел БССР т. Наседкин в своей докладной приводит довольно интересные факты из религиозной жизни верующих, также, вероятнее всего, православного вероисповедания, в самый разгар «большого террора»: «В ряде мест верующие собираются в церквях и проводят церковные службы сами, без попов, а религиозные обряды выполняют на квартирах: 1) В г. Рогачеве группа религиозных женщин, так называемых “диаконис” — Лошакова — 50 лет, Вишневская — 45 лет, Коновальчикова — 75 лет и Гисель Александра — 20 лет, ходят по домам верующих, где выполняют религиозные обряды вместо попов — крестят детей, отпевают умерших и т. д. 2) В с. Лучино Рогачевского района также выполняют религиозные обряды бывшие монашки. 3) Вблизи Орши, бывшие монашки, проживающие в каплице, используют каплицы для религиозных отправлений, убирая на это время постельные принадлежности. 4) 22.04.1938 г. бывший псаломщик Кравченок 50 лет, у себя в доме, д. Большая Степня Минского района, собрал религиозников и устроил богомоленье, во время которого ходил вокруг дома с иконами. 5) В д. Симоничи Лельчицкого района группа женщин церковниц 24 апреля подговорили 13-летнего мальчика открыть церковь, после чего организовали в ней служение, на которое собралось значительное количество верующих Лельчицкого и Туровского районов. Эта церковь не функционирует в течение 4-х лет, но решения правительства закрыть ее — не имеется. В числе организаторов открытия церкви была Вересова Мария Яковлевна, 38 дет, муж которой репрессирован. 6) 24.04.1938 г. в Бегомльском районе, на Березневском и Бегомльском кладбищах, в связи с пасхой было скопление верующих 100-

31. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 13219. Л. 68.

200 человек, которые исполняли религиозные обряды. В числе присутствующих была и молодежь. В ряде колхозов в этот день колхозники не работали»[32].

«Пассивные» реакции на антирелигиозную политику

(1) В документах НАРБ есть сведения, что «на заре коллективизации» ксендзы в костелах призывали верующих *уйти «со всем имуществом» в Польшу*[33]. Это касалось, прежде всего, представителей национальных меньшинств (поляков, латышей, немцев). Естественно, в глазах властей это выглядело как попытка незаконного пересечения границы, «особенный способ борьбы кулачества против мероприятий партии и советской власти, коллективизации [...] для усиления травли и клеветы на Советский Союз». В дальнейшем в документах НАРБ подобные случаи выявлены не были.

(2) Другой способ пассивного сопротивления существующему режиму — *коллективные невыходы колхозников на полевые работы в дни церковных праздников*. Дело касалось, в первую очередь, самого главного христианского праздника — Воскресения Христова, или Пасхи. Под особенно пристальным вниманием местных властей оказались действия православных верующих в 1937 г., так как в этот год, как уже упоминалось, православная Пасха праздновалась 2 мая, а Великая Суббота, в свою очередь, в День Труда — 1 мая. В связи с этим авторы докладных записок о религиозной ситуации в районах БССР фиксировали следующее: «У сувязі з супадзеннем рэлігійнага свята пасхі з Першамайскім святам значная частка працоўных не ўдзельнічала ў праведзеных Першамайскіх мерапрыемствах, некаторая частка калгаснікаў у першы дзень пасхі 2-га Мая не вышла на калгасныя палявыя работы» (Копаткевичский район)[34]; «у першы дзень пасхі — 2 мая — у калгасе “Шлях Сталіна” Навасельскага сельсавета дэманстратыўна ніхто не выйшаў на работу. Ва многіх калгасах Будскага, Какоўчынскага, Леднявіцкага и інш. сельсаветаў

32. Там же. Л. 68-69.

33. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 4592. Л. 67.

34. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 11852. Л. 269. «В связи с совпадением религиозного праздника пасхи с Первомайским праздником значительная часть рабочих не участвовала в проведенных Первомайских мероприятиях, некоторая часть колхозников в первый день пасхи 2-го Мая не вышла на колхозные полевые работы».

таксама ніхто не выйшаў на работу. Нават у местачковым калгасе “Бальшавік” ніхто не выйшау на работу у першы дзень пасхі» (Богушевский район)[35]; «У дзень 2-га мая толькі ў 6-ці калгасах частка калгаснікаў вышла на работу, у астатніх калгасах 2-га мая не работалі, а ў 3-х калгасах нават 3-га мая на работу не вышлі — святкавалі пасху, у той час як 1-га мая ў 2-х калгасах значная частка калгаснікаў, арганізаваная ляснічым-камсамольцам Хруцкім, пашлі на пасадку леса. У дзень 1-га мая значная частка моладзі не танцавала, бо “у час усеночнай танцаваць нельга”» (Туровский район)[36]. Верующие пытались отстаивать свою позицию: «У калгасе “Дырыжабль” Лешнянскага с/с жанчына выступала на сходзе і заяўляла, што май трэба святкаваць, але ж і “пасху” таксама трэба святкаваць»[37]. Однако в официальных документах подобные невыходы на работу интерпретировались как «антиколхозная агитация под видом религиозной пропаганды»[38].

(3) Гораздо больший и исторический, и религиоведческий интерес вызывают формы сопротивления групп верующих таким «мероприятиям Советской власти», которые либо не имели никакого отношения к политике государства в области религии *(паспортизация, выдача пособий по многосемейности, выборы в Верховный Совет СССР),* либо были связаны с нею косвенно *(всесоюзная перепись населения).* Именно в связи с *религиозным* восприятием частью верующих вышеперечисленных событий целесообразно рассмотреть и осмыслить реакцию верующих на них в данной статье.

Начнем с реакции верующих на проведение переписи населения, как имевшей некоторое отношение к религиозной политике государства. В ряде исследователей, посвященных истории пере-

35. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 11868. Л. 46. «В первый день пасхи — 2 мая — в колхозе “Путь Сталина” Новосельского сельсовета демонстративно никто не вышел на работу. Во многих колхозах Будского, Коковчинского, Ледневицкого и др. сельсоветов также никто не вышел на работу. Даже в местечковом колхозе “Большевик” никто не вышел на работу в первый день пасхи».

36. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 11852. Л. 83. «В день 2-го мая только в 6-ти колхозах часть колхозников вышла на работу, в остальных колхозах 2-го мая не работали, а в 3-х колхозах даже 3-го мая на работу не вышли — праздновали пасху, в то время как 1-го мая в 2-х колхозах значительная часть колхозников, организованная лесничим-комсомольцем Хруцким, пошли на посадку леса. В день 1-го мая значительная часть молодежи не танцевала, “так как во время всенощной танцевать нельзя”».

37. Там же. Л. 136. «В колхозе “Дирижабль” Лешнянского с/с женщина выступала на собрании и заявляла, что май нужно праздновать, но и “пасху” тоже нужно праздновать».

38. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 11868. Л. 46.

писи 1937 г., утверждается, что пункт № 5 «о религии»[39] в список вопросов переписного листа был добавлен лично И. В. Сталиным в ходе редактирования списка. Насколько нам известно, *официально* выяснение позиции населения по отношении к Богу и религии не было представлено в качестве основной цели переписи. Тем не менее, главный вопрос, который волновал население, и это неоднократно фиксировали авторы спецсводок и спецсообщений «Об отрицательных настроениях населения в связи с переписью», был «главным образом, о пункте — верующий или неверующий»[40]. Реакция населения на этот пункт была, в основном, настороженная, однако причины этой настороженности были различны.

Так, часть верующих была настроена апокалиптически: советская власть воспринималась ими как «власть антихристова», а перепись населения представлялась процессом наложения «печати антихриста». «Перепись — это дьявольское дело, кто будет подвергаться переписи, того будут клеймить, а поэтому когда начнется перепись, нужно всем на это время спрятаться, где кто может»; «переучет населения — это перед концом света, смущают верующих. Переписи населения во что бы то ни стало нужно избежать»[41]; «кто даст о себе сведения, того пропечатают»[42] — таковы наиболее типичные ответы этого контингента верующих. Страхи подогревались тем, что перепись была назначена на канун Рождества Христова — 6 января, и столь откровенный вопрос о вере со стороны «безбожной» власти представлялся многим верующим окончательным выбором между Богом и дьяволом в «конце времен». Причем даже само участие в переписи оказывалось отступлением от веры. Отсюда и демонстративные отказы давать о себе любые сведения практически в каждом районе БССР. Наиболее показательным примером в данном случае является секта «молчальников» из Лепельского района Витебской области, о которой в информационной сводке от 5 января 1937 г. сообщалось следующее: «В Лепельском районе, особенно в Стайковском, Пышнянском сельсоветах 200-250 человек отказались

39. Перепись населения 1937 г.: вымыслы и правда//Демоскоп weekly [Электронный ресурс]. 2012. Режим доступа: http://demoscope.ru/weekly/knigi/polka/gold_fund08.html

40. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 12036. Л. 7.

41. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 12035. Л. 9.

42. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 12036. Л. 11.

давать о себе сведения. [...] Имеется решение (обещание) среди евангелистов молчать с 1 по 7 января и, когда к этим лицам обращаются переписчики, они молчат, поворачиваются к ним спиной, а некоторые демонстративно, чтобы не разговаривать, закладывают в рот платок»[43]. Аргументация «молчальников» была такова: ««Вашей власти нам не нужно, мы признаем только власть Христа»; «нужно держаться Христа не страшиться никаких репрессий, так как скоро останется мало людей и из них будут отсеяны имеющие родственников в колхозах и останутся чистые верующие»[44]. «Молчальники» по схожим причинам также отказывались от получения паспортов и пособий по многосемейности («Не хочу предаваться сатане, как сделали колхозники, пусть меня высылают, но царства небесного я терять не хочу»[45]).

Более подробно о «молчальниках» пишет И. Романова, о чем уже ранее упоминалось в данной работе. Ее исследования представляют значительный интерес, в том числе касательно вопроса конфессиональной принадлежности «молчальников». Дело в том, что партийные работники, имевшие дело с «молчальниками», называли их в официальных документах «баптистами, евангелистами, краснодраконовцами». И. Романова, на основании собственных архивных и полевых исследований (интервью с 80-летними детьми «молчальников»), предположила, что данная секта относится к сектам православного толка, а именно, к «краснодраконовцам»: «Можна меркаваць, што “маўчальніцка-чырвонадраконаўская” ідэалогія была занесена ў Лепельскі і Тураўскі раёны тымі, хто яшчэ ў 1920-я гг. паспрабаваў знайсці зямлі і шчасця ў Сібіры, аднак пазней вярнуўся ў сваю вёску. [...] Дажыўшыя да сённяшняга дня дзеці маўчальнікаў, якім цяпер ужо за 80 гадоў, сцвярджаюць, што іхныя бацькі былі праваслаўнымі, паказваючы на абразы, што вісяць у тым жа самым куце, што і больш за 70 гадоў таму. На пытанне ж: “Чаму маліліся дома?”, — адказваюць: “А дзе ж яшчэ? Цэркваў не было, папоў таксама”»[46].

43. Там же. Л. 3.

44. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 13219. Л. 73-74.

45. Там же. Л. 74.

46. *Раманава І.* Кляйменне Чырвонага дракона. Усесаюзны перапіс насельніцтва 1937 года і яго трактоўка ў сялянскім дыскурсе. С. 246-261. «Можно полагать, что “молчальницко-краснодраконовская” идеология была занесена в Лепельский и Туровский районы теми, кто еще в 1920-е годы попробовал найти земли и счастья в Сибири, однако позже вернулся в свою деревню... [...] Дожившие до сегодняшнего дня дети молчальников, которым теперь за 80 лет, утверждают,

Страхи другой группы верующих имели куда более приземленный характер: люди боялись репрессий. Характерный пример: «В Толочинском районе бывший работник НГУ сообщает, что ей пришлось иметь беседу о переписи с приходящей к ней на дом работницей и еще некоторыми гражданами. Всех их беспокоит вопрос о религии. Спрашивают, зачем то надо знать. Одна из них говорит, “всех верующих перепишут, а потом вышлют в одно место, живите, мол, там себе”. Другая говорит, что она верующая, “а разве можно в том признаться, нет, страшно”»[47]. В такой ситуации верующему человеку также легче было отказаться от преписи, чем переступать через свою совесть и «записываться неверующим».

Была и третья группа верующих, участники которой не только не сопротивлялись переписи, но с готовностью давали о себе сведения как о верующих или агитировали не скрывать своей религиозной принадлежности. Верующие в этой группе, участвуя в переписи, руководствовались двумя совершенно различными мотивами: одни из них, видимо, не теряли надежды, подкрепленной положениями Конституции 1936 г., что «если запишешься верующим, отдадут церкви или дадут построить новые»[48]; другие были уверены в скором падении советской власти, наступлении войны и приходе поляков, которые расправятся с неверующими, поэтому прагматично полагали, что «нужно организоваться и во время переписи записываться верующими»[49].

Подобная ситуация происходила и во время выборов депутатов Верховного Совета в декабре 1937 г. Верующие отказывались голосовать за коммунистов, потому что «это не разрешается нашими религиозными чувствами»; потому что «во время голосования будут клеймить людей цифрой 666»; «мы бога избрали и больше избирать никого не будем»; «надо молиться богу, а не ходить на выборы, на их агитацию поддаваться не надо, т. к. Советская власть существует временно»[50]. В сознании верующих выборы стали продолжением переписи населения, участие

что их родители были православными, показывая на иконы, которые висят в том же самом углу, что и более 70 лет назад. На вопрос же: “Почему молились дома?”, отвечают: “А где же еще? Церквей не было, попов тоже”».

47. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 12036. Л. 22.

48. Там же. Л. 5.

49. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 12035. Л. 9.

50. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 12059. Л. 99-103.

в которой представлялось покушением на религиозные чувства: «Раньше проводилась перепись населения, а теперь выборы. Они нас приведут к гибели, так как заставляют нас отказаться от своей веры»[51]. Религиозные мотивы переплетались с политическими, когда верующие стремились голосовать за «заграничных правителей» или за «попов», которые, по их мнению, гораздо лучше защищали бы их, верующих, интересы. А поскольку это был самый разгар «большого террора», то всех, бойкотирующих выборы или распространяющих «контрреволюционные слухи», активно арестовывали.

«Письма счастья» как особая форма сопротивления

Наконец, последний способ не столько сознательного сопротивления верующих антирелигиозной политике государства, сколько некой стихийной реакции религиозного сознания на экстраординарные события современности — это так называемые «письма счастья», или «святые письма», которые также однозначно воспринимались советской властью как «контрреволюционный материал религиозных сект»[52]. В качестве наглядного примера одно из писем, которые хранятся в документах НАРБ, вынесено в Приложение (орфография и пунктуация оригинала сохранены).

Феномен «писем счастья», или «святых писем», достаточно подробно описан в статье известного белорусского исследователя новых религиозных движений В.А. Мартиновича «Письма счастья как элемент оккультной среды общества»[53]. Под письмами счастья (святыми письмами, небесными посланиями, письмами с неба и др.) автор понимает «пересылаемые по почте тексты, призывающие под различными предлогами их размножить и распространить далее»[54] и относит «письма счастья» в целом к сфере нетрадиционной религиозности, магического восприятия действительности, принимая во внимание как их религиозное либо оккультное содержание, так и причины, по которым люди их переписывают (как правило, разного рода суеверия). Автор

51. Там же. Л. 30.

52. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 11853. Л. 59.

53. *Мартинович В.А.* Письма счастья как элемент оккультной среды общества//Информационно-консультативный миссионерский Центр им. преп. Иосифа, игумена Волоцкого [Электронный ресурс]. 2012. Режим доступа: http://sobor.by/center.php?n=letters.

54. Там же.

указывает также на значительные временные и географические масштабы распространения феномена святых писем, упоминая страны всех континентов мира и исторические эпохи от античности до наших дней.

Однако он не исключает того факта, что некоторые «письма счастья» преследуют как религиозные, так и секулярные цели. В качестве примера автор приводит отрывок из письма счастья, призывавшего сопротивляться коллективизации: «Я – Господь Бог ваш и говорю вам: настал момент, когда дьявол запутывает народ в сети свои — в колхозы. Тот, кто не соблазнится колхозами, спасется; всех же колхозников уничтожу в ближайшие дни...»[55] По мнению В. Мартиновича, переписывать это письмо человек мог как из-за собственного суеверия, так и руководствуясь нежеланием вступить в колхоз.

В документах НАРБ представлено 3 варианта «святых писем», или «писем счастья», датированных 1937 годом (текст одного из них приведен в Приложении, два других варианта имеют схожее содержание). Данные письма чаще всего переписывались школьниками — детьми верующих — и распространялись в школах. Кроме того, данные письма могли передаваться через взрослых из деревни в деревню. Согласно документам, «главным источником распространения этого письма является Могилев, Минск, а также районы, граничащие с Западной областью и Украиной. Письмо “от бога” или “святое письмо”, чрезвычайно быстро распространяется и охватило значительную часть районов, как Могилевский, Гомельский, Будокошелевский, Кормянский, Кировский, Осиповичский, Лепельский, Дрибинский, Стародорожский, Туровский, Ветковский, Наровлянский и др.»[56] Что касается конфессиональной принадлежности авторов и распространителей «святых писем», то в одном из вариантов «святого письма» присутствует прямое обращение к православным верующим (в двух других вариантах оно, правда, отсутствует). Также в начале писем упоминается Божья Матерь. На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что письма распространялись скорее всего среди православных.

Если проанализировать представленные в НАРБ «святые письма», то становится очевидным, что они не имели, на наш взгляд, никакого политического подтекста, а носили исключи-

55. Там же.

56. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 11852. Л. 13.

тельно религиозный характер. Но по мнению местных властей данные письма являлись не просто «контрреволюционными антисоветскими листовками». Распространители писем представлялись чуть ли не членами организованной контрреволюционной организации, которая «ставит своей задачей пощупать, чем они располагают накануне тайных выборов. Ставит своей задачей развернуть антисоветскую агитацию и вербовочную работу. Сорвать выход на работу. Посеять панику в населении перед военной опасностью»[57].

Правда, в архивных документах были найдены свидетельства о таком «святом письме», в котором «неверующим угрожают всем на том свете: и кипением в смоле, и всякие негодования от бога»[58]. Однако отсутствие полного текста письма вкупе с пересказом отдельных его частей антирелигиозно настроенным партийным работником не позволяет нам делать однозначные выводы об антисоветском характере этого письма.

В Национальнм архиве также не было найдено никаких документов, свидетельствующих о наличии на территории БССР «писем счастья», в которых имела бы место антиколхозная агитация.

* * *

Таким образом, мы определили и рассмотрели различные формы сопротивления верующих христиан антирелигиозной политике советской власти с конца 1920-х до конца 1930-х гг. Мы выделили при этом *активные* формы (такие как выступления против закрытия храмов, коллективные прошения об открытии молитвенных зданий, прошения об освобождении из-под ареста священнослужителей и т.д.) и *пассивные* формы (отказы от получения паспортов, помощи по многосемейности, уклонение от участия в переписи населения и т.д.). Как это ни парадоксально, именно те формы, которые мы отнесли к «пассивным», содержали в себе более серьезный вызов властям с точки зрения советского законодательства, и поэтому власти имели больше оснований подавлять и пресекать их. Что же касается тех форм сопротивления верующих, которые мы отнесли к «активным», то они не ставили цели «свержения советской власти» или даже открытого ей сопротивления. Сами власти, напротив, интерпре-

57. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 12082. Л. 155.
58. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 11852. Л. 61.

тировали «активные действия верующих» как прямой «контрреволюционный» вызов, что нашло соответствующее отражение в рассмотренных нами документах Национального архива. Письма счастья также стали своеобразной формой реакции религиозного сознания на кардинальные изменения в реальности. В них отражались страхи верующих по поводу скорой войны, когда «брат пойдет на брата», призывы к праведной жизни как гаранту будущего спасения, надежды на высшую справедливость, когда «Христос придет на землю судить живых и мертвых», — в целом все те чаяния, которые переживают религиозные люди в переломные эпохи. Представленные в НАРБ письма счастья также не несли серьезной угрозы для советского строя.

Попытки верующих защитить свое право на «исповедование религии», будь то сбор подписей за открытие храма или отказ от советского паспорта, обернулись, в конечном итоге, массовыми арестами и высылками в 1937–1938 гг.

Библиография

Архивные материалы

Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ).

Ф. 4п (Центральный Комитет Коммунистической партии большевиков Белоруссии (1917–1941)).

Литература

Декрет СНК РСФСР от 23.01.1918 Об отделении церкви от государства и школы от церкви//Викитека [Электронный ресурс]. 2012. Режим доступа: http://ru.wikisource.org/wiki/Декрет_об_отделении_церкви_от_государства_и_школы_от_церкви

Зельцер А. Евреи советской провинции: Витебск и местечки 1917-1941. М.: РОССПЭН, 2006.

Каганович А. Речица: История еврейского местечка Юго-Восточной Белоруссии. Иерусалим, 2007.

Канфесіі на Беларусі (к. XVIII — XX ст.)/Навук. рэд. У. І. Навіцкі. Мн.: ВП «Экаперспектыва», 1998.

Конституция СССР 1936 г.//Викитека [Электронный ресурс]. 2012. Режим доступа: http://ru.wikisource.org/wiki/Конституция_СССР.

Лебедев А.Д. Политика советского государства по отношению к Римско-Католической церкви в БССР (1919-1929). Мн.: БГУ, 2011.

Литин А. История могилевского еврейства. Мн.: Юнипак, 2006.

Мартинович В.А. Письма счастья как элемент оккультной среды общества//Информационно-консультативный миссионерский Центр им. преп. Иосифа, игумена Волоцкого [Электронный ресурс]. 2012. Режим доступа: http://sobor.by/center.php?n=letters.

Перепись населения 1937 г.: вымыслы и правда//Демоскоп weekly [Электронный ресурс]. 2012. Режим доступа: http://demoscope.ru/weekly/knigi/polka/gold_fund08.html

Раманава І. Кляйменне Чырвонага дракона. Усесаюзны перапіс насельніцтва 1937 года і яго трактоўка ў сялянскім дыскурсе//ARCHE. 2012. №3. С. 246-261.

Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве (Государственно-церковные отношения СССр в 1939–1964 годах). М.: Крутицкое Патриаршее Подворье; Общество любителей церковной истории, 2000.

Янушевич И.И. Политика советского государства по отношению к Русской Православной церкви в 1917-1927 гг. (на материалах Беларуси). Мн.: БГУ, 2002.

Приложение 1

Святое Письмо

От божай матеры отца сына и святого духа. Около монастыря это письмо было найдено. Это письмо написано золотыми буквами самим господом иисусом христом. К этому письму приходило много народу. Там говорится «Почитай родителей, не забывай бедного, соблюдайте посты, веруйте в бога, веруйте этому письму — не будете наказаны от бога громом и огнем, пойдет народ на народ, брат на брата и будет между вами большое кровопролитие и люди входя в храм божий. Звярнитеся спасаючы души прыди матеры божая и кто этому письму будет верить и передавать его другим, прошчено ему много грехов, то будет весь свет и следует грамотным переписать его 9 раз, передать людям, а потом получится радость. Село Демидово в Сибири, днем было видно двум мальчикам 12-летним пасли скот, а в то время вышел крест, а потом вышел человек — был сам господь окружен радугой. Появились много народа ангелов, а еще пели молебные песни, в поле было много народа и все слушали. вдруг растворилось небо христос вышел стал всю правду говорил, скоро приду на землю судить живых и мертвых и несчастливых и отзывается перед богом не верных я сам буду судить несчастливых, от них пойдут праведные благословенные люди.

В храме собралось много народу и слушали, как пели ангелы молебные песни. Господь сказал тем мальчикам, что мало останется народу всего только одна третья часть, а те погибнут. Был слышен голос — спасителя говорившего читайте и молитесь отче наш будете спасены. Получившие такое письмо напишите 9 писем, а через 9 дней получите письмо и не передайте его, то получите большой скорб.

Источник: НАРБ. Ф. 4п. Оп.1. Д. 12082. Л. 108. Машинописная копия.